

К. В. Зубко

ПРЕДАТЕЛЬСТВО В КОНФЛИКТАХ XVII в. И ЕГО ОСМЫСЛЕНИЕ В СБОРНИКЕ ПРОПОВЕДЕЙ «СТАТИР»

Аннотация. В XVII в. происходит обострение конфликтов в историческом пейзаже России: от придворных интриг до церковного раскола, в связи с этим актуализируется и расширяется этическая категория неверности. В статье поднимается тема предательства в нравственно-историческом аспекте, рассматривается ее новая грань: авторское образное осмысление проповедником в гомилиях исторических столкновений в различных сферах действительности. Выявленные типы предательства в проповедях (от злодейского замысла до обоснования страхом или случайностью) находят собственное художественное воплощение и соотносятся с эмотивной аксиологией, обусловленной рефлексией проповедника.

Ключевые слова: *предательство, литература XVII в., Средневековье, конфликт, проповедь, творческая индивидуальность*

Для цитирования: *Зубко К. В. Предательство в конфликтах XVII в. и его осмысление в сборнике проповедей «Статир» // Церковь. Богословие. История. 2023. № 4. С. 356–361.*

Сведения об авторе: Зубко Ксения Витальевна — студент 3 курса филологического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург). *E-mail: ksenia2002-20@mail.ru*

XVII век в России характеризуется обилием конфликтов, во многих из которых фиксируется элемент предательства. Если в древнерусской словесности XI–XIV вв. основные типы предательства сводились к межкняжескому противостоянию, а затем к предательству или верности придворных (сюжеты с убиением Бориса и Глеба, убиением Андрея Боголюбского, завоеванием Рязани Батыем и т. п.), воплощением которого были междоусобные конфликты, то в XV–XVI вв. появляется предательство внутрисемейных отношений (сюжет о Петре и Февронии). И начинает вводиться мотив предательства в политические противостояния (Иван Грозный и Андрей Курбский). «Бунташный» XVII в. существенно расширяет типы конфликтов и способы сюжетно-образных воплощений мотива предательства, появляются новые его типы, расширяется само понятие.

Один из основных жанров этого времени — гомилия: расцветает богословская литература, церковное красноречие. М. А. Корзо отмечает, что «проповедь может быть использована и как источник

для реконструкции менталитета той аудитории, которой она адресована, и для реконструкции нравов той эпохи, памятником которой она является»¹. Следуя этому тезису, обратимся к тому, как автор этого жанра преобразует реальные исторические сюжеты при письме, трактует концепт предательства в гомилии. Цель обращения — выяснить, насколько проповедь может быть «вписана» в исторический и культурный контекст эпохи. Центральными объектами для анализа становятся анонимный автор и его рукописный сборник проповедей «Статир» конца XVII в.

Необходимо понять, на фоне какой исторической матрицы создавался текст «Статира» в последней четверти XVII в. Перевоороты и бунты в России этого времени — явление частое и широко известное современникам в разных уголках России. Одним из первых и обсуждаемых было противостояние придворных кланов Нарышкиных и Милославских после смерти в 1682 г. царя Федора Алексеевича. Как писал П. В. Седов, «противостояние придворных кланов Милославских и Нарышкиных определило придворную историю всей последней четверти XVII в.»² Стоящие на стороне Натальи Кирилловны избрали на престол младшего сына, Петра Алексеевича, но уже совсем скоро, в ходе стрелецкого бунта с кровавыми расправами, на престол выдвинули Ивана и Петра.

Важной исторической фигурой этого века, чья жизнь оборвалась в ходе стрелецкого бунта, был глава Посольского приказа Артамон Сергеевич Матвеев. Из-за доноса лекаря Давыда Берлова, заручившегося поддержкой бояр и указывающего, что, по словам слуги Матвеева, Захара, тот читал «черную книгу» рядом с «нечистыми духами», Артамон Матвеев был обвинен в колдовстве и отправлен в ссылку³. Поэтому в его письмах к царю становится яркой и ключевой тема предательства, причем сразу в двух аспектах: он и сам пытается оправдаться, доказать, что он был верным, а победивший клан несправедливо его сослал, и в то же время предательство было совершено по отношению к нему — верного подданного предадут опале.

¹ Корзо М. А. Образ человека в проповеди XVII века. М., 1999. С. 6.

² Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. М., 2008.

³ «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков / под ред. Е. В. Чистяковой, сост. Н. М. Рогожин. М., 1989. 240 с.

В контексте данного исследования важен факт, что Артамон Матвеев проезжал через Соликамск, в котором начал писать свои проповеди автор «Статира». Этот край, входивший в территорию, близкую к владениям Строгановых, важен как тем, что непосредственно связан с автором рассматриваемого нами сборника рукописей «Статир», так и тем, что не мог находиться вне политики, будучи краем торговым, купеческим и пограничным в восточном направлении. Следовательно, обсуждения неспокойной ситуации в стране должны были вестись и здесь. Надо только учитывать особенности жанра, автор «Статира» не мог воплотить свои мысли о предательстве в текстах проповедей напрямую, поэтому апеллировал к Евангельским источникам, вызывая аллюзии паствы на события времени.

Эти исторические факты, во-первых, важны как обобщающие, дающие рисунок всего века. Во-вторых, их тоже можно трактовать как предательства: бунты — это неизбежное принятие одной стороны и отречение от другой, которое будет восприниматься ею как преступление, заключающееся в неверности.

Второй важный для понимания исторического пейзажа России того времени момент — конфликты между западниками и славянофилами. В XVII в. возрастает их уровень и ключевым становится вопрос, по какому пути развития пойдет Россия. Большое место занимает в обсуждении этого вопроса фигура Симеона Полоцкого.

К западникам иеродиакон Дамаскин относил Симеона Полоцкого, Сильвестра (Медведева), «людей, с его точки зрения, окуренных западною иезуитскою ученостью»⁴. Это подтверждает и факт того, что в 90-е гг. XVII столетия книги Симеона Полоцкого были запрещены за близость к католичеству. Такое обвинение сводилось к теме предательства: его разносторонняя деятельность, растущая популярность, знакомства с боярами и духовенством, прогрессивные взгляды, стиль и особая, оригинальная риторика проповедей вызвали неодобрение у консерваторов Москвы⁵.

Такое же отношение было и к Сильвестру (Медведеву). И. К. Смолитч писал в своей книге, что Сильвестр (Медведев) «пал жертвой политических и религиозных страстей» века. «Медведев, — пишет

⁴ Смолитч И. К. Русское монашество: Возникновение. Развитие. Сущность. М., 1997.

⁵ Там же.

И. Шляпкин, объективно и основательно изучивший всю историю спора о предложении Святых Даров, — пал не жертвой характера своего или заблуждения, а благодаря неблагоприятно сложившимся для него историческим обстоятельствам и проискам Лихудов»⁶.

Таким образом, в жизнеописании Сильвестра многое, как и у Артамона Матееева, сводится и к противостоянию кланов Нарышкиных и Милославских, к сути «бунташного века»: его сжигают на костре как еретика за то, что он пытался возвысить правительницу Софью Алексеевну в качестве ведущего политика.

Автор «Статира» был поклонником и высоко оценивал труды Кирилла Транквилиона, Симеона Полоцкого, о чем свидетельствует постоянное цитирование их в проповедях. Следовательно, он не мог не знать и о судьбе Симеона Полоцкого и изменившемся к нему отношении в политическом мире, не мог не разделять в чем-то его позиции (с этой точки зрения запрет его книг тоже мог бы трактоваться автором рукописного сборника как предательство). Исходя из этих фактов, можно выдвинуть предположение о некоторой игре создателя «Статира» с изменением даты написания сборника, чтобы легитимно обойти цензуру и сослаться на Симеона Полоцкого⁷.

Автор «Статира» неоднократно в проповедях утверждает, что власть церковная выше власти светской. Таким образом, через такое понимание культурного феномена двоевластия в тексте, можно выйти на индивидуальное осмысление осознания предательства проповедником, ставшим свидетелем реальных трагедий своего времени.

XVII в. усиливает проблему предательства, как уже было сказано выше, масштабирует ее: в проповедях анонимного автора этого времени появляется новая грань понимания — предательство государства воспринимается через предательство Бога. Следовательно, с таким подходом обостряется и личное участие человека, что характерно для рассматриваемого нами века — как писал Д. С. Лихачёв, «сложность человеческого характера становится предметом особого внимания писателей. Сильные и сложные характеры были в русской

⁶ Смолич И. К. Русское монашество: Возникновение. Развитие. Сущность.

⁷ Подробнее о возможных вариантах датировки «Статира» см.: Мангилёв П., прот., Соболева Л. С. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История: мат.-лы II Всеросс. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 134–145.

истории всегда, но лишь с начала XVII в. перед историческими писателями встала особая задача их замечать и описывать»⁸.

Автор «Статира» — это тоже своего рода исторический писатель. Только он не пишет прямо о событиях, а избирает особый язык для описания тем, которые его волнуют: язык богословия. В его системе ценностей верность миру зла — предательство Бога. В текстах XVII в. это понимание расширяется и концентрируется в описании отдельных человеческих пороков: сребролюбие, пьянство, предательство.

По тому, как составляет «Статир» его анонимный автор, можно сделать вывод о стремлении проповедника занять свою индивидуальную позицию. На первое место он ставит верность Богу как способ уберечь человека от предательства в разных ситуациях. Тогда же он активно обращается и к теме дьявола (об этом можно судить уже по таким названиям большого количества Слов в сборнике, как, например, «Всех святых, яко святии с невидимым диаволом брань сотвориша, и немощни крепкаго победиша и от Христа победныя венцы прияша и славу на небесех», «О безмерном милосердии Божии и о внезапном преложении Закхея от злобы на благое, и о плачи диаволи не терпит спасаемых грешников»).

Следовательно, источником предательства в таком миропонимании становится дьявольское искушение: если вверять душу дьяволу, это приведет к ситуации неверности Богу. Автор начинает в сборнике серьезный разговор о том, что человек слаб. Он может предать невольно, из страха за свою жизнь, как апостолы, из неверия (Слово 111), как Фома (есть некоторый оттенок предательства в том, что человек верит не до конца), особое предательство совершает и Ирод: предает свой народ (Слово 30).

Таким образом, в своей индивидуальной проповеднической манере автор пытается объяснить время XVII в. с его невероятными конфликтами, увидеть в веянии эпохи феномен предательства. Он многократно обращается к конфликтам, которые колеблют его ум «многомятежным смыслом», и в этом он следует за изменчивым «непостоянным вѣком»⁹. При этом он пытается осмыслить это

⁸ Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1958. С. 24.

⁹ Соболева Л. С. «Предсказание» из рукописного сборника поучений «Статир»: автор и читатель в переходную эпоху // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 3 (31). С. 345.

в религиозных категориях, что придает всему сборнику особую ценность как памятнику времени, оформленному по всем законам художественности богословия и являющемуся образцом церковного красноречия.

Источники и литература

1. Корзо М. А. Образ человека в проповеди XVII века. М., 1999.
2. Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1958.
3. Мангилёв П., прот., Соболева Л. С. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История: материалы II Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 134–145.
4. «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / под ред. Е. В. Чистяковой, сост. Н. М. Рогожин. М., 1989.
5. Российская государственная библиотека (РГБ). Собр. Румянцева № 411. Сборник слов и поучений «Статир».
6. Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. М., 2008.
7. Смолич И. К. Русское монашество: Возникновение. Развитие. Сущность. М., 1997.
8. Соболева Л. С. «Предсказание» из рукописного сборника поучений «Статир»: автор и читатель в переходную эпоху // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 3 (31). С. 337–367.

Ksenia V. Zubko

The Betrayal in the 17th-Century Conflicts and Its Interpretation in the Collection of Sermons “Statyr”

Abstract. In the historical landscape of 17th century Russia there was an aggravation of conflicts: from clashes at court to the church schism; in this regard, the ethical category of infidelity was updated and expanded. The article raises the topic of betrayal in the moral and historical aspect, examining its new facet: the preacher's imaginative interpretation of historical clashes in various spheres of reality in his homilies. The revealed types of betrayal in sermons (from villainous intent to the caused by fear or accident) find their own figurative embodiment and correlate with emotive axiology, due to the preacher's reflection.

Keywords: *Betrayal, literature of the 17th century, Middle Ages, conflict, preaching, creative individuality*

For citation: Zubko K. V. Predatel'stvo v konfliktakh XVII v. i ego osmyslenie v sbornike propovedei «Statir» [The Betrayal in the 17th-Century Conflicts and Its Interpretation in the Collection of Sermons “Statyr”]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia — Church. Theology. History*, 2023, no. 4, pp. 356–361.

About the author: Zubko Ksenia Vitalievna — 3rd year student of the Philology Faculty of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Ekaterinburg). *E-mail:* ksenia2002-20@mail.ru